

УДК 001-057.4

В этой статье представлены воспоминания о тринадцати годах с 1993 по 2006 г. В эти годы автор этих воспоминаний был председателем Уфимского научного центра Российской академии наук (УНЦ РАН), президентом Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), депутатом Государственного собрания Республики Башкортостан, членом Президентского совета и членом Правительства РБ, председателем Комиссии по Государственным премиям по науке и технике РБ, он был депутатом Государственной Думы Российской Федерации и представлял Россию в Парламентской Ассамблее Совета Европы. Вместе с этими административными и государственными обязанностями он вел научную работу и читал лекции не только в России, но и в США (штат Нью-Йорк) в университете Ренселаера, во Франции (Париж) в университете Пьера и Марии Кюри, в Великобритании (Кембридж) в Институте Исаака Ньютона. Каждый год он участвовал в международных конференциях в качестве пленарного и приглашенного лектора. Он опубликовал ряд научных статей в самых авторитетных научных журналах.

Десять из указанных лет автор работал вместе с академиком АН РБ, доктором филологических наук, профессором Зиннуром Газизовичем Ураксиным.

МОИ ТРИНАДЦАТЬ БАШКИРСКИХ ЛЕТ И НАГРАДА ОТ АКАДЕМИКА З.Г. УРАКСИНА

Р.И. Нигматулин, академик РАН, АН РБ и АН РТ

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.
Давид Самойлов

Прежде, чем я начну свое повествование, я хочу предупредить, что я не был близким другом Зиннура Газизовича Ураксина. Мы с ним, наверное, сильно различались, потому что прожили разное детство и юность в разной среде. Но он всегда вызывал у меня уважение и интерес, потому что его юность была похожа на юность моего отца и дедов.

Люди, вышедшие из деревенской среды, из семей, которые жили тяжелым физическим трудом, полагали,

что надо выучиться в городе, и тогда ты избавишься от этого тяжелого труда, бедности и будешь счастливым. Конечно, это скорее миф, потому что путь в науку тернист и не гарантирует счастья. Хотя из деревенской нужды люди с образованием выбиваются, но в России XX в. они часто попадали в нужду городскую, да еще и с городскими проблемами для детей. Чтобы стать научным работником и стать научным лидером, не обязательно происходить из интеллигенции. Многие

ученые мира вышли из рабоче-крестьянской среды. Такими были мои два деда, мой отец, таким был мой учитель академик Халил Ахмедович Рахматулин. Я иногда задаюсь вопросом – а сумел бы я пробиться, если бы я был в их положении. А им было тяжелее, чем мне. Поэтому таких людей я всегда уважал и им доверял.

Во-вторых, я хочу предупредить, что буду называть фамилии людей, которые сыграли отрицательную роль в событиях, которые здесь будут описаны. С некоторого времени я осознал, что зависть, предательство, трусость и лживость присущи конкретным людям. Зло имеет фамилии. Обычно люди, совершающие плохие поступки, не составлены исключительно из зла. Часто их неправильное поведение происходит из-за того, что они сильно переоценивают свой вклад в науку. Они часто имеют положительные качества, у них есть семьи, кому-то они приходится друзьями, поэтому мы избегаем произносить фамилии публично, что неправильно. Надо их называть, чтобы их действия получили соответствующую оценку. Чтобы они опасались, что об их неблагоприятных делах узнают их дети. Это поможет хотя бы чуть их сдерживать, чтобы они боялись истории. Даже аномальный злодей Гитлер говорил, что боится Бога и Истории. Сколько зла совершено в истории российской науки, а вспоминают только Лысенко, а ведь он имел сотни «исполнителей» его «предначертаний». Раскулачивали 80 лет назад лучших сельских тружеников бессовестные, бестолковые и злые односельчане. Сколько лживых доносов написали наши сограждане! А ругают только Сталина, Берию, Ежова и еще нескольких злодеев. Надо выносить на суд общественности и более «мелкие» фамилии.

И, наконец, третье. Я буду описывать события, в которых я участвовал и был руководителем. Поэтому здесь часто фигурирует местоимение «я». Иногда в этих событиях Зиннур Газизович нес большую нагрузку, иногда небольшую, но все эти события имели прямое отношение к Башкортостану и науке, чему и посвятил свою жизнь З.Г. Ураксин.

Первые годы

Первый раз я увидел Зиннура Газизовича в 1991 г. на собрании учредителей Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), на котором в числе десяти ученых из России и других республик СССР я был избран учредителями почетным академиком создающейся АН РБ. На тот момент я работал в Тюмени и был членом-корреспондентом АН СССР. После этого мы, первые почетные члены АН РБ, тайным голосованием избрали из числа учредителей первых действительных членов (академиков) АН РБ. Среди этих первых академиков был Зиннур Газизович Ураксин, директор Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. В декабре 1991 г. я стал академиком РАН, а чуть позднее, в 1992 г., состоялось первое Общее собрание АН РБ, на котором меня попросили быть председателем и на котором был избран первый президент АН РБ – О.А. Кайбышев. З.Г. Ураксин был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных и общественных наук.

Но мои тринадцать башкирских лет начались в январе 1993 г., когда меня назначили председателем Уфимского научного центра РАН (УНЦ РАН). З.Г. Ураксин стал моим

заместителем и курировал научные учреждения УНЦ РАН, занимающиеся гуманитарными и общественными науками. Летом 1993 г. я со своей семьей отдыхал в санатории Янган-тау, где также со своей супругой Венерой ханум – тезкой моей супруги – отдыхал Зиннур Газизович. Там мы и начали наше личное знакомство.

Позднее, в 1996 г., АН РБ провела первую научно-практическую конференцию в Сибее, на которой собрались сотрудники администраций, учителя школ, врачи, сотрудники других учреждений юго-восточных районов Башкортостана¹. После конференции мы вместе с Зиннуром Газизовичем возвращались из Сибая на автомобиле, посетив археологический лагерь. Путешествие было долгим, и мы имели возможность поговорить о многом. Он, в частности, рассказал о своей жизни – о том, как он деревенским парнем ходил в школу в соседнюю, за несколько километров, деревню.

О башкирской и татарской орфографиях

Во время этой поездки З.Г. Ураксин, в частности, рассказал, что в башкирском диалекте его родной башкирской деревни на севере Оренбургской области множественное число существительных образовывалось, как и в татарском языке, с помощью окончания -лар, а не -тар, -дар, -зар в зависимости от последней буквы корня, предшествующего этому окончанию. Рассказал он также об особенностях башкирского диалекта на северо-востоке Башкортостана, в котором было гораздо меньше отличий от татарского языка, чем в официальном башкирском языке. У меня сложилось убеждение, что при разработке официально-

го башкирского языка разработчики выбрали тот диалект и те грамматические конструкции, которые отдаляли башкирский язык от татарского. С одной стороны, это сохраняет наиболее полярные особенности татарско-башкирского языка («расширяет фронт»), но с другой стороны сокращает письменное взаимодействие. Даже количество букв башкирского алфавита существенно превышает количество букв в татарском алфавите, а в татарском оно существенно больше, чем в русском, что создает трудности для машинного и компьютерного печатания текстов. Тексты, написанные башкирской орфографией, трудно читать тем, кто привык к татарской. И, наоборот, тем, кто привык к башкирской орфографии, трудно читать татарскую орфографию. А это существенно сокращает число читателей литературных татарских и башкирских произведений, потому что татары читают только татарскую литературу, а башкиры – только башкирскую. Хотя общность устной речи такова, что башкирский театр посещается и татарами, а татарский – и башкирами. И нет никакой необходимости переводить устную башкирскую речь на татарскую и устную татарскую речь на башкирскую.

Мне представляется, что, стараясь сохранить особенности и различия татарского и башкирского диалектов татарско-башкирского языка, следует это делать не формально, а по существу. Нужно продуманно и встречно (как со стороны татарского, так и башкирского) сближать, а может, и сделать одинаковыми алфавиты, чтобы пользоваться общим компьютерным шрифтом, сближать орфографию слов. При этом надо уйти от избыточно фонетической орфографии, принятой в 1930-е г., от всех этих при-

думанных букв с черточками и хвостиками. И это должно быть предметом совместной деятельности ученых Башкортостана и Татарстана. Причем не только башкирских и татарских филологов, но и филологов, изучающих европейские языки, математиков и историков. Это очень трудная задача, и ее надо решать. Наука должна не плестись за «народом», не только «обслуживать народ», но и давать ему правильные ориентиры.

Всякая письменность объединяет разные диалекты и разные фонетические варианты. Поэтому во всяком развитом языке пишут не обязательно точно так, как произносят. Больше количество звуков, чем букв, следует обеспечивать комбинациями букв. Наиболее ярко это используется в английской орфографии. Орфография должна объединять разные диалекты, а не разъединять. Пример — китайский язык — язык 1500 миллионов людей. Причем устная речь в разных крупных провинциях настолько различается, что жители разных провинций не понимают устную речь друг друга, в частности, шанхаец не понимает устную речь пекинца, не говоря о тайваньцах. Хотя имеется официальный общий ханьский диалект, но только общая письменность, абсолютно не фонетическая, основанная на иероглифах, произносимых совершенно по-разному в разных провинциях, объединяет 1500 миллионов людей, называющих себя китайцами. А мы, татары и башкиры, составляем вместе всего около 7–8 миллионов человек. Живем рассредоточенно по всей России в окружении носителей главного языка России и сами основную свою деятельность осуществляем на этом главном — русском языке. И при этом спорим и разъединяем свой замечательный татарско-башкирский

или башкирско-татарский язык из-за агрессивного недомыслия нескольких десятков башкирских и татарских «квазипатриотов», иногда имеющих даже профессорские звания. Этим квазипатриотам никто не уважает, но из-за их крикливости их опасаются.

Как-то я пригласил для беседы одного из товарищей Зиннура Газизовича профессора Марата Валеевича Зайнуллина, заведующего кафедрой башкирского языка БГУ. Его башкирская речь, его башкирское произношение мне особенно нравились. Марат Валеевич мне показал автореферат своей докторской диссертации, защищенной в Казани много лет назад. Ее название — «Категория модальности в башкирском языке». Я его тут же спросил: «Чем категория модальности в башкирском языке отличается от категории модальности в татарском языке?». Его ответ меня восхитил и подтвердил мои вышеприведенные соображения: «Роберт Искандерович, башкирский язык ничем не отличается от татарского!». Конечно, я понимал, что это высказывание следует понимать не буквально, а в достаточно широком смысле. Оно верное, если на языки смотреть не с позиций «своего района и деревни», а с позиций реального положения татар и башкир, понимания нынешней общности башкирско-татарского народа². Нужно нашим татарским и башкирским филологам и историкам осознать, что ежегодно в мире исчезают 10 языков, и 90% населения мира говорят всего на 25 языках. Русский язык в эти 25 языков входит, а татарский и башкирский нет.

Зиннуру Газизовичу был чужд показной и агрессивный квазипатриотизм. Он был творческой личностью, а не догматической. Наверное, этому способствовало его высшее образо-

вание: он закончил филологический факультет университета по отделению русского языка и стал специалистом своего родного башкирского языка на мощном фундаменте русского языка. Он владел, как специалист, татарским диалектом нашего татарско-башкирского языка. Он владел турецким языком, центральным языком тюркоязычного пространства.

Он готов был обсуждать любую идею, но это не значит, что его легко было уговорить соглашаться.

Сохранение ИИЯЛ в РАН

Когда я стал президентом АН РБ, некоторые «идеологи суверенитета» ставили вопрос о создании своих институтов в системе АН РБ гуманитарного, социального и аграрного направлений. В частности, предлагали перевести Институт истории языка и литературы УНЦ РАН в систему АН РБ. Предлагали разбить ИИЯЛ на два института: институт истории и институт башкирского языка. В президиуме РАН перевод ИИЯЛ из РАН в АН РБ были готовы поддержать. Я не поддерживал эту идею, потому что, во-первых, для этого, отказываясь от средств федерального бюджета, нужно было найти устойчивое финансирование из республиканского бюджета. Во-вторых, и это главное, нельзя отрывать науку о башкирском языке и историю Башкортостана от общероссийской науки. Такой отрыв гуманитарных исследований от Отделения гуманитарных наук РАН, от внимания ведущих ученых России неизбежно привел бы к изоляции и снижению уровня исследований, к усилению влияния квазипатриотов и избыточной подчиненности гуманитарной науки Башкортостана республиканской администрации. Но квазипатри-

оты давили. З.Г. Ураксин и коллектив института не хотели ухода из РАН. Особенно сильно давили некоторые профессора Башкирского государственного университета и некоторые сотрудники администрации Президента РБ, далекие от академической науки и более зараженные вирусом квазипатриотизма. Причем давили на З.Г. Ураксина, который был по совместительству профессором БГУ, давили, используя демагогию квазипатриотизма типа: какой же ты основатель и член Башкирской академии наук, если ты даже свой институт не переводишь в Башкирскую академию наук. Если бы не позиция З.Г. Ураксина и коллектива института, я, наверное, не сумел устоять и согласился бы на перевод ИИЯЛ из УНЦ РАН в АН РБ, т.е. из одной подведомственной мне организации в другую подведомственную мне организацию. Но Президент РБ М.Г. Рахимов на меня не давил, мне доверял, и я не позволил сделать ошибочный шаг. И позиция З.Г. Ураксина была определяющей.

Реорганизация АН РБ

Особенно активно действовали наши противники в 1995 г., когда я был исполняющим обязанности президента АН РБ, причем не избранным Общим собранием АН РБ, а назначенным Указом Президента РБ М.Г. Рахимова в январе 1995 г. до апреля 1996 г. с целью реорганизации АН РБ. Мои противники, около 10–12 человек из членов АН РБ и сотрудников УНЦ РАН, объединились вокруг созданного тогда по моей инициативе Государственного комитета по науке РБ, а точнее вокруг его председателя Р.А. Якшибаева, и стали требовать моего ухода с поста руководителя АН РБ. Наиболее активными среди них

были академики АН РБ Д.Л. Рахманкулов и Ф.С. Файзуллин и чл.-корр. РАН Х.Н. Гизатуллин. Еще до этих событий я освободил Д.Л. Рахманкулова от обязанностей и.о. академика-секретаря Отделения химии АН РБ за противодействие реализации программы развития АН РБ, одобренной Общим собранием. Я также инициировал освобождение Х.Н. Гизатуллина от обязанностей директора Института экономики УНЦ РАН за очень слабую научную деятельность института³. Наши противники писали письма М.Г. Рахимову, опубликовали лживую статью в «Комсомольской правде», направленную против меня, моих коллег, в том числе и З.Г. Ураксина. Квазипатриоты поставили вопрос о состоянии АН РБ на заседании исполкома Всемирного Курултая башкир — общественной организации, где председателем был профессор истории, ныне вице-президент АН РБ Н.А. Мажитов, а заместителем председателя З.Г. Ураксин. Зиннур Газизович выступил категорически против такого обсуждения Академии наук РБ в общественной организации, где преобладают люди, далекие от науки. Но его не послушались. Доклад об АН РБ при моем отсутствии (меня даже не пригласили) сделал Д.Л. Рахманкулов, не несший никакой ответственности в АН РБ и не имеющий никакого отношения к Курултаю башкир). В результате было составлено обращение к М.Г. Рахимову с требованием о моем снятии с должности и.о. президента АН РБ. Интересно, что двумя годами позже я получил благодарность от того же исполкома Курултая башкир, подписанную тем же Н.А. Мажитовым, за мои выступления по башкирскому языку. А тогда З.Г. Ураксин написал письменное заявление, что он в знак протеста выхо-

дит из исполкома Курултая. Это был мужественный шаг.

Надо знать то идеологическое и моральное влияние, которое порой имеют национальные сообщества среди татар и башкир, в которых наибольшую «политическую» активность проявляют квазипатриоты. Их крикливость многократно превышает их достижения и вклад в развитие своей нации, и они способны шумно представлять неугодного предателем своей нации. Нормальные люди не любят скандалов и побаиваются выступать против них. Я помню, как в 1995 г. ко мне пришел руководитель татарской общественной организации в Уфе К. Яушев и потребовал, чтобы я не снимал с должности упомянутого выше Х.Н. Гизатуллина (татарина). В противном случае, пригрозил он, татарская общественность добьется, чтобы меня выдворили из Башкортостана.

В 1999 г. во время моей избирательной кампании в Госдуму РФ группа из 3–5 татарских квазипатриотов (среди них был и Х.Н. Гизатуллин⁴) приходила на мои встречи с избирателями и обвиняла меня, что я предал родной татарский язык. И все потому, что я активно выступил в Государственном собрании РБ за признание башкирского языка вторым (вместе с русским языком) государственным языком Республики Башкортостан. На одной из таких встреч я предложил: давайте приведите вы своих детей, а я своих, и мы проверим, как владеют татарским языком мои и ваши дети. На это никто не откликнулся. Потому что они не могут даже своих детей обучить родному языку. Квазипатриоты способны только обвинять.

После Общего собрания 1996 г., несмотря на резко отрицательное выступление против меня Д.Л. Рахман-

кулова, я подавляющим большинством при тайном голосовании был избран президентом АН РБ. Квазипатриоты под флагом «выполнения указа Президента РБ» усилили свои требования организации собственного института башкирского языка, башкирской истории и социальных исследований в «интересах суверенной Республики Башкортостан». Ко мне пришли З.Г. Ураксин и М.А. Ильгамов, мой главный заместитель по УНЦ РАН и АН РБ, и с сожалением сказали, что ИИЯЛ придется переводить из УНЦ РАН в АН РБ. Вот тут уже я сказал, чтобы они держались и не боялись квазипатриотов и что мы вместе выдержим их напор⁵.

Надежность

Зиннур Газизович был благородной личностью. Часто благородство связывается с «благородной» внешностью и «благородными» манерами. Он как раз обладал не этими внешними атрибутами, а благородством поведения и мыслей. Иногда совершенно беззлобно один из моих коллег называл его «крестьянский сын». Хотя я имею дворянские корни, один дед был известным учителем, отец профессором, являюсь и крестьянским внуком. Так что у нас с Зиннуром Газизовичем общее классовое происхождение.

З.Г. Ураксин никогда не подхалимничал и мог жестко высказаться против предложения руководителя. Он был надежным. Умных много, надежных мало. Это высказывание, несмотря на то, что умных тоже немного, — очень актуально. Мне, выходцу с мехмата МГУ, казалось, что самыми надежными являются математики. Поэтому, когда я стал председателем УНЦ РАН, я сразу пригласил к себе

заместителем директора Института математики УНЦ РАН чл.-корр. РАН, академика АН РБ В.В. Напалкова. Через год я вынужден был освободить его от обязанностей моего заместителя из-за ненадежности. Соглашаясь со мной, он после этого «бежал» к моим противникам (а это 10–12 членов объединенного общего собрания АН РБ и УНЦ РАН) и соглашался с ними, оправдывая это тем, что один неверный шаг и Институт математики УНЦ РАН будет в опасности⁶.

Не таков был Зиннур Газизович. Он никогда не «бегал» и не суетился.

Один раз З.Г. Ураксин жестко высказал свое возмущение мне тем, что завершающую фазу выделения Отдела народов Урала УНЦ РАН, руководимого чл.-корр. РАН Р.Г. Кузеевым, из структуры ИИЯЛ я провел без согласования с ним. Это решалось в Москве в отделении истории, руководимом академиком А.А. Фурсенко, и в президиуме РАН. Времени было в обрез, и я все провел без последних согласований с З.Г. Ураксиным. Я очень сожалел, что так произошло. Это была единственная размолвка между нами. Здесь же замечу, что отношения между двумя выдающимися людьми З.Г. Ураксиным и Р.Г. Кузеевым были очень натянутыми, хотя это никогда не выплескивалось наружу.

Весь 1995 год — год реорганизации АН РБ я намеревался предложить М.Г. Рахимову и Общему собранию кандидатуру нового президента АН РБ. Первым, на ком я остановился, был З.Г. Ураксин. Я предложил его Президенту РБ М.Г. Рахимову. Муртаза Губайдуллович категорически не согласился. Затем я остановился на том, чтобы пригласить на эту должность М.А. Ильгамова из Казани, крупного ученого, чл.-корр. РАН, башкира, выходца из Абзелиловского

района. Я с ним об этом договорился. Договорился и с М.Г. Рахимовым, чтобы он познакомился с М.А. Ильгамовым во время своего визита в Казань. Они познакомились, но одобрения М.Г. Рахимов не высказал. Он только высказал сомнения, хотя жесткого возражения не было тоже. К концу 1995 г. я понял, что должности председателя УНЦ РАН и президента АН РБ должен занимать один человек. Я осознал, что если должность президента АН РБ займет даже мой родной брат, то через некоторое время у нас возникнут конфликты. Нельзя, чтобы одним рулем «рулили» два человека. Все дальнейшие события показали, что я был абсолютно прав.

После этого мне пришлось уговорить М.А. Ильгамова переехать в Уфу и согласиться на должность первого заместителя председателя УНЦ РАН и первого вице-президента АН РБ.

Зиннур Газизович был спокойным, немногословным человеком. Я часто с интересом наблюдал, как этот скромный, коренастый, невысокого роста мужчина преображался, когда на праздничных вечерах начинали звучать башкирские мелодии – он самозабвенно и задорно, с прекрасным знанием ритма танцевал башкирские народные танцы. Я помню, что как-то в одном из первых вечеров, когда мы в президиуме на К. Маркса, 6 отмечали какой-то праздник, заиграла башкирская мелодия, и Раиль Гумерович Кузеев мне шепнул не без ехидства, что сейчас пойдет в пляс Зиннур Газизович. И действительно, Зиннур Газизович начал свой танец. И я сразу заметил, что он не только выполнял танцевальные движения. Он жил в своем танце, жил, в душе возвращаясь в свои детские годы. Помню, как узнав, что моя дочь Карима осваивает башкирский язык, он подарил моей

дочери несколько небольших детских книжек, написанных им на башкирском языке.

Еще одна черта Зиннура Газизовича. За время нашей совместной работы он давал мне характеристики на коллег, которых я выдвигал на повышение, и иногда эти характеристики мне тогда казались неточными. События показали, что он *всегда* оказывался прав.

Расскажу историю с обсуждением работы чл.-корр. АН РБ Г.Г. Саитбатталова по грамматике башкирского языка. Она была представлена на Государственную премию по науке РБ. З.Г. Ураксин был в Комиссии по таким премиям, ответственным за работы гуманитарного цикла, а я был председателем комиссии. Еще перед обсуждением на комиссии он мне высказал свою среднюю оценку этой работы, сказав, что работа правильная, но в ней нет находок, нет оригинальных взглядов, чтобы соответствовать Государственной премии РБ. Кстати, Зиннур Газизович никогда не давал резко отрицательных оценок. При обсуждении на заседании комиссии он подытожил не восторженные, но и не отрицательные отзывы рецензентов, сказал несколько положительных слов и особо не рекомендовал, чтобы члены комиссии проголосовали за эту работу. При тайном голосовании работа не получила даже половины голосов. Видимо, сказала репутация Г.Г. Саитбатталова. Но в тот год Президент РБ добавил одну премию, и можно было присудить ее еще одной работе из не набравших достаточное число голосов. Но для этого надо было провести дополнительное голосование. Так как гуманитарии не получили премии, я решил проявить «либерализм» по отношению к гуманитариям и предложил вернуться к

работе Г.Г. Саитбатталова⁷ и проголосовать еще раз. Почти все члены комиссии возразили — раз работа не получила даже половины голосов, то ее нельзя дальше рассматривать. На следующий день я зашел к секретарю Комиссии Г.Б. Фаизову, очень уравновешенному и доброжелательному сотруднику администрации Президента РБ, чтобы подписать все протоколы. Он мне рассказал, что приходил Г.Г. Саитбатталов, возмущался тем, что два татарина — Нигматулин и Ильгамов — не дали ему премию. Гали Биктимирович сам был свидетелем, как все происходило, поэтому «оправданий» не требовалось. Я только добавил, что я действительно татарин, и этот «недостаток» не исправишь. Но М.А. Ильгамов этим «недостатком» не обладает: он «чистый башкир» из Абзелиловского района. Г.Б. Фаизов этому удивился, он тоже считал М.А. Ильганова татаринком. Кстати, тут же выяснилось, что я тоже «ошибался», считая Г.Б. Фаизова башкиром, а он оказался татаринком. Вот так мы, башкиры и татары, и живем⁸. О времена, о нравы! — сказал бы классик.

Новое руководство ИИЯЛ

В 2001 г. З.Г. Ураксин пришел ко мне и заявил, что по состоянию здоровья не будет баллотироваться на следующий срок на пост директора института. Институту нужна свежая кровь, — сказал он. Я попытался в мягкой форме уговорить его остаться, но он очень определенно сказал, что принял окончательное решение.

Мы с М.А. Ильгамовым стали искать кандидата на пост директора ИИЯЛ и после согласования с З.Г. Ураксинным остановили свой выбор на докторе политических наук И.Г. Илишеве. Он вырос в городе,

знал башкирский язык, работал в БГУ, в администрации Президента РБ, стажировался в США, хорошо владел английским языком, владел также немецким. Решением президиума УНЦ РАН, согласованным с Отделением гуманитарных наук РАН, он был назначен и.о. директора с последующим избранием по конкурсу.

И.Г. Илишев активно работал, мы с М.А. Ильгамовым были им довольны. Я как-то поинтересовался у З.Г. Ураксина его мнением о работе нового директора. Зиннур Газизович одобрил, но, улыбнувшись, заметил, что молодой директор слишком часто ссылается на свою стажировку в США. Но вскоре И.Г. Илишева у нас забрали сначала директором Юридического института БГУ, а через несколько месяцев назначили вице-премьером в Правительстве РБ.

Пришлось снова решать, кого назначить директором. Мы остановили свой выбор на профессоре Фирдус Гильметдиновне Хисаметдиновой вопреки косым взглядам на нее со стороны администрации Президента РБ. Сейчас она успешно руководит институтом З.Г. Ураксина.

Примерно в это время Зиннур Газизович тяжело заболел. После длительного лечения он восстановил речь, я успел с ним поговорить по телефону, и это был наш последний разговор.

Административное давление

В это же время изменилось ко мне отношение Президента РБ М.Г. Рахимова⁹. Думаю, что это произошло из-за рукописи статьи «Что надо делать в Башкортостане»¹⁰. Начались непрерывные проверки разными комиссиями. Думаю, что эти проверки инициированы не М.Г. Рахимовым, а его «аппаратчиками», которые хо-

тели выслужиться. Проверялись как УНЦ РАН, так и АН РБ. Их в течение полутора лет было шесть из разных ведомств. Никаких существенных нарушений не нашли, хотя некоторые комиссии очень хотели найти. Одна из комиссий от уфимского управления Минфина РФ по РБ была особенно низкого уровня. Все надбавки к тогдашним ничтожным окладам научных сотрудников эта комиссия представила нецелевым использованием средств. И мне было приписано административное правонарушение. Руководитель этой комиссии, видимо, понимал, что это глупость, и доложив, что он задание начальства выполнил, стал недоступен для разъяснений. Но после официальных разъяснений, данных финансово-экономическим управлением РАН, это обвинение было снято судом. Одна комиссия по проверке АН РБ была из счетной палаты РБ. Председатель комиссии, один из руководителей Счетной палаты, оставшись со мной наедине, сказал: «Роберт Искандерович, мы понимаем, кто Вы и что Вы значите для республики, и что именно Вас приглашают лучшие университеты мира. Не переживайте».

В январе 2004 г. после девяти лет работы президентом АН РБ я ушел с этого поста. Дело в том, что М.Г. Рахимов пригласил моего заместителя М.А. Ильгамова и сказал, что больше меня принимать не будет, а АН РБ не могла не подчиняться Президенту РБ.

Я продолжал быть председателем УНЦ РАН, продолжал вести объединенные заседания президиума УНЦ РАН и АН РБ. По просьбе Э.В. Кульмухаметова, тогда являвшегося главным федеральным инспектором по РБ, я провел такое объединенное заседание, посвященное обсуждению

программы удвоения ВВП Башкортостаном. Основной доклад сделал заместитель Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.А. Обозов. Я сделал содоклад, основанный на вышеупомянутой статье «Что надо делать в Башкортостане». Про мое выступление (уверен, что в искаженном виде) «донесли» Президенту РБ. Это вызвало острую реакцию. Вызвали М.А. Ильгамова, и, как он рассказал, раздались угрозы закрытия АН РБ. М.А. Ильгамов собрал академиков АН РБ. Большинство академиков выступили с сожалением о создавшемся положении, но без «нападок» на меня. Академики АН РБ А.В. Бакиев, Р.Н. Гимаев, У.Б. Имашев, Р.Ш. Магазов, Ф.С. Файзуллин меня «осудили». Академик АН РБ Д.Л. Рахманкулов, сказал, что «Нигматулин полностью дискредитировал себя в глазах научной общественности тем, что занимался интриганством и политиканством», что в институтах УНЦ ведется слабая работа, что «если Вам не нравится Башкирия, то Вас никто не держит, Вы потеряли лицо и Вам не место в республике». Д.Л. Рахманкулов был хотя бы последовательным¹¹. А академик АН РБ В.В. Напалков сказал, что его Институт математики «готов выйти из УНЦ, чтобы не быть заложником ситуации»¹². После этого пришлось нашим заседаниям президиумов разделиться.

В 2005 г. глава администрации Президента РБ Р.Ф. Хабиров, не уведомив меня, пригласил к себе директоров институтов УНЦ РАН. Среди приглашенных был и чл.-корр. РАН Х.Н. Гизатуллин. В этот же день мои коллеги рассказали о ходе этой встречи. Открывая ее, Р.Ф. Хабиров сказал, что Президент РБ принял решение о том, что Нигматулин должен уйти

с поста председателя УНЦ РАН, а в этом доме решения своего руководителя не обсуждают, а выполняют. Поэтому он предлагает, чтобы присутствующие подписали письмо на имя президента РАН Ю.С. Осипова о том, чтобы Нигматулина сняли с должности председателя УНЦ РАН. Тут же выступил Х.Н. Гизатуллин и сказал, что Нигматулин все развалил. О.А. Кайбышев сказал, что Нигматулин никакой не ученый и его надо убрать. На это Р.Ф. Хабиров заметил, что они не ставят вопрос о том, что Нигматулин плохой ученый. Все остальные заявили, что они предлагаемое письмо подписывать не будут. Чл.-корр. РАН В.Н. Пучков сказал, что он уже 15 лет работает в Уфе, занимаясь полезными ископаемыми Урала, и его первый раз приглашают в администрацию Президента РБ, чтобы обсудить не полезные ископаемые, а подписать недостойное письмо. Думаю, что 20 лет тому назад все бы подчинились давлению руководства республики (тогда оно называлось обкомом). Так что прогресс в нашей среде есть. Нет прогресса в среде чиновничества.

В сентябре 2005 г. вице-президент РАН Г.А. Месяц мне сказал, что звонил М.Г. Рахимов и просил снять меня с должности председателя УНЦ РАН, ссылаясь на то, что я занялся политикой. Странная логика — ученые не должны заниматься политикой, и получается, что политику нужно полностью отдать чиновникам. Г.А. Месяц ответил М.Г. Рахимову, что в РАН действует Устав, и в соответствии с Уставом у президиума нет оснований снимать Нигматулина с должности.

В октябре 2005 г. я пришел к президенту РАН Ю.С. Осипову и сказал, что хочу вернуться в Москву, и назвал два академических института, где мог

бы работать руководителем. Об этом я просил Юрия Сергеевича никому не говорить. Но прежде чем покинуть пост председателя УНЦ РАН, я предложил провести отчетно-перевыборное собрание с моим отчетом в связи с окончанием пятилетнего срока избрания и моим переизбранием. Я был уверен в своем переизбрании. Тем самым мы бы провели «акт воспитания» администрации Башкортостана, показав, что Российская академия наук держит свой курс. Через месяца два после этого я хотел оставить свой пост, рекомендуя на него моего заместителя чл.-корр. РАН У.М. Джемилева. Но «получилось, как получилось», что «не принесло никому счастья». Но эта история, в которой, «усыпив мою бдительность», сыграл «неположительную роль» ныне покойный вице-президент РАН Н.А. Платэ, история с Институтом проблем сверхпластичности металлов УНЦ РАН и история с О.А. Кайбышевым — предметы для воспоминаний в другой статье.

После тринадцати башкирских лет

31 марта 2006 г. завершились мои тринадцать башкирских лет, самых бурных и вдохновенных лет моей жизни. Я ушел с поста председателя УНЦ РАН и с 1 апреля стал членом президиума РАН. В конце 2006 г. я стал директором одного из самых больших институтов РАН — Института океанологии им. П.П. Ширшова, а еще позднее и заведующим своей «родной» кафедры газовой и волновой динамики на механико-математическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Я окунулся в новую и очень интересную работу. Но раз в один-два месяца я приезжаю в Уфу, так как в Институте механики работает моя группа многофазных систем.

В один из приездов в марте 2007 г. поздно ночью в аэропорту встречающий меня водитель сообщил, что скончался З.Г. Ураксин и что утром будет прощальная панихида. Когда я утром вошел в новый корпус УНЦ, то увидел, что собралось много народа. Вел печальное собрание вице-премьер Правительства РБ И.Г. Илишев. Панихида была очень короткой¹³. После завершения панихиды образовалась очередь тех, кто, подойдя к гробу, подходил к сидевшей рядом вдове – Венере-ханум и тихо выражал ей свои соболезнования. Венера-ханум сидя безутешно слушала. Настала моя очередь, я положил цветы и подошел к Венере-ханум. Она, увидев меня, неожиданно сразу встала. Я обнял ее и сказал несколько слов о том, что я очень уважал Зиннура Газизовича, что я ей сочувствую. То, что она встала, подчеркиваю – неожиданно для меня, в такой скорбный момент, для меня означало, что З.Г. Ураксин относился ко мне с особым уважением, о чем он, будучи очень сдержанным человеком, никогда мне не говорил. Не говорил ему о своем особом к нему уважении и я.

То, что Венера ханум встала, стало для меня самой *чувствительной*, а в этот печальный момент и *пронзительной* наградой за мои ТРИНАДЦАТЬ БАШКИРСКИХ ЛЕТ.

Послесловие

Прошло четыре года после моих 13 башкирских лет.

В этом году М.Г. Рахимов прислал мне правительственную телеграмму с поздравлением по случаю моего семидесятилетия. Это одна из официальных наград за мои 13 башкирских лет.

Еще одну награду за эти 13 лет я получил от уфимской общественности, которая заполнила большой зал во дворце Конгрессов на торжественном собрании, посвященном моему юбилею, и выслушала мой доклад.

Огорчения стираются из памяти. Осталась время от времени охватывающая меня неутрачиваемая печаль по ушедшим за все эти годы, кто был со мной в эти мои 13 башкирских лет:

Рыфату Рахматулловичу Мавлютову,
Фанилю Лутфрахановичу Саяхову,
Наталье Владимировне Старовой,
Раилу Гумеровичу Кузееву,
Карлу Самойловичу Минскеру,
Загидулле Исхаковичу Сюняеву,
Александру Ивановичу Спиваку,
Зиннуру Газизовичу Ураксину.

А еще ушли мои ученики Наиль Ахмадеев и Анвар Кутушев, мой друг Апуш Сагидуллин и мой любимый дядя Рал абы Терегулов. Ушла незабвенная Айсылу Ильгамова, супруга Марата Аксановича Ильгамова. Ушел выдающийся профессор Азат Халилович Мирзаджанзаде.

Часто стали вспоминаться строчки Давида Самойлова:

Скрепляют болезни и смерти
Отчетливость памятных лет.

.....

Лишь память, лишь память
дана нам,

Чтоб ею навеки болеть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ После 1996 г. такие региональные конференции АН РБ стала проводить каждые два года. Следующая была в Мечетлино и была посвящена проблемам северо-восточных районов. Затем была в Октябрьске и была посвящена проблемам западных районов. И, наконец, конференция в Стерлитамаке, посвященная проблемам южных районов.

Эти конференции тщательно готовились. За год до конференции в регион начинали выезжать группы ученых, они изучали социальные, экономические, медицинские, экологические проблемы региона. Администрация Президента РБ обязывала администрации районов оказывать всяческую поддержку ученым. На конференции съезжались руководители районов, учителя, врачи и другие представители интеллигенции. Доклады делали не только научные работники, но и руководители республиканских и районных служб, учителя, врачи, работавшие в этих районах. Я вел конференцию вместе с главой района, на территории которого проводилась конференция. Но после 2000 г. чиновничество постепенно перестало чувствовать зависимость от общественности, в том числе и научной общественности, стало «самодостаточным». А без поддержки администрации такие конференции стало проводить практически невозможно.

² Мы с З.Г. Ураксиным и М.А. Ильгамовым содействовали, чтобы М.В. Зайнуллина избрала членом-корреспондентом АН РБ. Позднее, в 2009 г., он был избран и академиком АН РБ.

³ Х.Н. Гизатуллин, чл.-кор. РАН, имел математическое образование, до работы в Уфе был хорошим специалистом по межотраслевому балансу экономических систем. Он занимался этим в Институте математики и механики УрО РАН в Екатеринбурге. Став директором Института экономики в Уфе, вместо подготовки специалистов по математической экономике и развитию исследований по экономике региона стал выступать в различных печатных органах с непродуманными и грубыми высказываниями, недостойными научного работника. В результате анализ деятельности института показал, что он сам и сотрудники института за 10 лет не опубликовали ни одной статьи в рецензируемых академических журналах. Вся продукция свелась к двум-трем местным ротاپринтным изданиям. Приехав в Уфу, я пытался уговорить его отойти от низкопробной публицистики и сосредоточиться на науке. Но он не сумел справиться с этим. Пришлось заняться снятием его с должности директора.

Следующий директор, доктор экономических наук Р.В. Фаттахов, был рекомендован руководством Отделения экономики РАН. К сожалению, он оказался слабым директором, не способным перестроить работу Института экономики, реорганизованного в Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН. Нужны серьезные усилия по реорганизации ИСЭИ.

⁴ В 2002 г. после моего выступления на съезде татар Башкортостана ко мне подошел младший брат Х.Н. Гизатуллина и сказал: «Роберт Искандерович, держитесь, терпите и не сдавайтесь. Я осуждаю брата за его борьбу с Вами».

⁵ Несколько членов АН РБ из Башкирского государственного университета требовали создать институт социальных исследований в «интересах суверенной Республики Башкортостан». Я предложил им написать программу таких исследований. Ничего путного они не предложили. Им нужен был «свой» институт. «Хорошо, – сказал я им, – давайте мы вас профессоров БГУ зачислим на полставки в Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН на должности заведующих лабораториями, в которые вы наберете молодых людей. Таким образом мы создадим вам те условия, какие вы хотите. АН РБ будет финансировать ваши работы». Кончилось это тем, что эти радетели социальных, правовых и философских исследований «в интересах суверенной Республики Башкортостан» не ходили на работу, не смогли организовать лаборатории. Иногда жаловались, что им не платят зарплату, хотя она им перечислялась на депозит, потому что они не приходили в институт хотя бы в один из трех дней выдачи зарплаты. Я не хочу сказать, что они были совсем неспособными вести научную работу и писать статьи. Нет, они писали иногда и неплохие статьи. Но вести научно-исследовательскую работу в рамках академического института они были неспособны. Но свою неспособность они объясняли тем, что АН РБ недостаточно их обеспечивает.

⁶ Это абсолютно не соответствовало действительности, хотя бы потому, что труды этого института в Башкортостане никого не интересуют, в том числе не интересуют ни один академический институт. Сотрудники Института математики перестали думать о том, где их теоремы могли бы быть использованы, хотя бы в теоретических науках. Об этой «болезни» среди математиков писал академик С.П. Новиков. Только сам В.В. Напалков мог достаточно определенно и интересно (по крайней мере, для меня) рассказать о своих результатах.

⁷ Г.Г. Сайтбатталов подписал несколько статей в газетах, направленных против меня. Неоднократно выступал против М.В. Зайнуллина. Он неоднократно приходил ко мне, рассказывал, что пишет многогранную грамматику башкирского языка, говорил, что М.Г. Рахимов поддерживает его работу, хотя я знаю, что Муртаза Губайдуллович не переоценивал его. Из его высказываний следовало, что единственным ученым в РБ является он сам. Ни про кого он положительно не высказывался, всех характеризовал отрицательно, в том числе и З.Г. Ураксина. Порой его было жалко, потому что он жил в иллюзиях своего величия. Я подметил одну характерную черту у людей, постоянно выражающих недовольство тем, что его этнос обижают, не выдвигают. При беседах один на один они хвалят только себя и ругают всех своих коллег, в том числе и всех своих «соплеменников».

⁸ Уже после написания настоящей статьи я узнал, что скончался Г.Г. Сайтбатталов. Он с отличием окончил Башкирский педагогический институт (ныне БГУ), в 1969 г. в возрасте сорока лет защитил докторскую диссертацию (что по тем временам было достаточно редким в филологии), стал заведующим кафедрой, но в возрасте 49 лет перестал им быть. Может, такое «понижение» сделало Галея Галеевича «сердитым» на всех? Нельзя концентрироваться на мысли, что тебя недооценивают. Это портит характер.

Мир праху его!

⁹ К сожалению, должен констатировать, что вице-премьер И.Г. Илишев, человек «современной закваски», по своим знаниям превосходивший работников Правительства РБ, оказался ненадежным. Он «боялся» даже поздороваться со мной. Ведя гражданскую панихиду на прощании с Р.Г. Кузеевым в 2004 г., он «не замечал» меня, не дал мне выступить, хотя я был председателем Уфимского научного центра РАН, где работал Р.Г. Кузеев. Видимо, он боялся, что его за это накажет М.Г. Рахимов.

Я не стал бы здесь вспоминать И.Г. Илишева, если бы не безобразный эпизод на встрече делегатов Всемирного Курултая башкир в 2010 г., показанный по телевидению. Я был поражен, как он, выросший в городской среде, имеющий ученую степень доктора наук, мог сделать нелепый выпад против саратовской делегации за то, что они участвуют и на Всемирных форумах татар в Казани. «Определитесь», — потребовал он, добавив несколько непотребных слов. Выпад был безобразен как по содержанию, так и по форме. Видимо, работа в чиновничьей среде Башкортостана, да и всей России, присущий этой среде страх потерять свою должность не только портят людей, но и сильно оглушают.

¹⁰ Эта статья годом позднее была опубликована в Федеральном Вестнике (2005) и в моей книге «Как обустроить экономику и власть в России» (Москва, Экономика, 2007).

¹¹ Я привел по протоколу этого собрания эти выражения, чтобы показать уровень аргументации Д.Л. Рахманкулова. Никто из присутствующих его не пристыдил.

Я неоднократно пытался привлечь Д.Л. Рахманкулова к какой-нибудь конкретной работе в президиуме АН РБ. Несмотря на систематические его выступления против меня, письма в разные адреса, в том числе и в прокуратуру, я в 2001 г. предложил и настоятельно просил Общее собрание АН РБ избрать его членом президиума, чтобы он нес ответственность за какое-нибудь дело в АН РБ. Он не пользовался никаким научным авторитетом. Он никогда не делал научных докладов, у него не было значимых публикаций. Это как раз тот случай, когда человек сильно преувеличивает свою научную значимость, а значит, не знает своего места. Но мне хотелось его активность использовать во благо. Тем более, что меня просил об этом мой заместитель академик АН РБ А.Г. Гумеров и очень уважаемый мной человек профессор З.И. Сюняев. Говорили, что Д.Л. Рахманкулов был успешным бизнесменом. Он происходил из Оренбургских краев из тех же мест, что и мой дед по матери. Но мне привлечь его к созидательной академической работе не удалось. Д.Л. Рахманкулов скончался в 2009 г.

¹² Такое поведение математиков УНЦ РАН очень для них характерно — пусть все пропадет, лишь бы их не трогали. Приведу только один пример. До 1990 г. Институт математики и

Отдел физики УНЦ РАН занимали одно здание. Это здание руководство республики отдало мусульманскому управлению, а взамен ученым дали здание райкома партии. Математики въехали, а физиков не пустили. Физики проявили слабость и остались на улице, а точнее, в сарае с земляным полом. Когда я стал председателем УНЦ РАН, размещение физиков стало серьезной проблемой. Только к 2003 г. они получили нормальные условия. А математики 30% своих площадей сдают в аренду банку. Остальные площади тоже фактически пустуют, потому что математики редко ходят на работу. Но математики должны помнить, что мне пришлось уговаривать Президента РБ Рахимова, чтобы их здание у них не отобрали, потому что мэрия города Уфы хотела его вернуть, предоставив взамен подвал.

¹³ Мне потом сказали, что ведущий увидел, что пришел я. Не спросив у собравшихся, не желает ли еще кто-то выступить, как это обычно делается в таких случаях, он быстро прекратил выступления. Мои коллеги решили, что И.Г. Илишев опасался, что я попрошу слово для выступления. Может, это и не так. Во всяком случае, он не подошел и не поздоровался со мной, бывшим его руководителем, старшим по возрасту и научному званию, как это было положено для культурных людей. Жаль, что подтвердился прогноз Мансура Анваровича Аюпова.